

Кейтлин Эмилия Новак

ДНЕВНИК ДЕРЕКА ДРАММОНА

История моей проклятой жизни

Фэнтези. Дилогия

Кейтлин Эмилия Новак

**Дневник Дерека Драммона.
История моей проклятой жизни**

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Новак К.

Дневник Дерека Драммона. История моей проклятой жизни /
К. Новак — «Эксмо», 2025 — (Фэнтези. Диалогия)

ISBN 978-5-04-244204-9

«Дневник Дерека Драммона» — тёмная романтическая история о любви, которая пережила сто двадцать лет... и древнее проклятие. Легенда говорит, что лорд Дерек Драммон погиб много лет назад. Но правда страшнее: он жив — и обречён скрываться в облике ворона, наблюдая за миром из тени старого шотландского замка. Когда в Касл Рэйвон приезжает Мэган Мак-Кензи, наследница древнего клана, её необъяснимое притяжение к таинственному соседу запускает цепь событий, оживляющих тайны прошлого. Она и не подозревает, что влюбляется в человека, которого не должно существовать. Мистический готический роман о проклятии, любви, шотландских тайнах и мужчине, который живёт между двумя мирами. Для поклонников тёмной романтики и атмосферных историй, от которых невозможно оторваться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-244204-9

© Новак К., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кейтлин Эмилия Новак
Дневник Дерека Драммона.
История моей проклятой жизни

© Кейтлин Эмилия Новак, текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

В оформлении обложки использованы иллюстрации

© Antonistock / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

Пролог

*Из дневника Дерека Драммона
10 февраля 1897 года*

Возможно, это глупо. Возможно, обречено на бессмысленность. Но я все же начал писать – не из желания сохранить память, не ради потомков, а потому, что не осталось ничего – ни надежды, ни смысла, ни живой души, к которой можно было бы обратиться. Этот дневник – моя последняя надежда не сойти с ума. Или, быть может, отчаянная попытка найти в собственной исповеди ответы – что пошло не так и есть ли путь назад... Быть может, он станет путеводной тропой к спасению или последним свидетельством того, кем я был, пока не стал «этим». Хотя, если быть до конца откровенным, я уже не уверен, чего жду больше – избавления или конца...

Сегодня 10 февраля 1897 года. Восемь месяцев, как я живу в заточении. Не за решеткой, нет – мои стены куда более древние, мощные и мрачные. Я скрываюсь в собственном замке Касл Рэйвон, в одной из его башен, где время остановилось, а тьма стала моим единственным собеседником. Всего восемь месяцев назад я бы с насмешкой отнесся к мужчине, который ведет дневник и рассуждает о чувствах. Я бы счел это слабостью, меланхолией, прихотью сентиментальной натуры, поскольку я был другим. Я – лорд Дерек Драммон, шотландский горец с гордо поднятой головой, уверенный в себе, – воспринимал охоту в Хайленде, балы в Лондоне и Эдинбурге, приветливые женские улыбки и крепкие мужские рукопожатия как принадлежащие мне по праву. Я входил в зал, наполненный лучшими представителями светского общества, – и все вокруг замирало. Теперь же я сижу в сырой башне собственного замка, в комнате, где свечи трещат от ветра, проникающего сквозь щели, а стены пропитаны холодом, как в склепе... Мир обо мне забыл. И, пожалуй, это к лучшему.

Я проклят – не абстрактно, не поэтически. Предан проклятию настоящему, древнему, которое впилося в мою душу, словно сгусток тьмы, словно клыки зверя. Его наложила на меня та, кого я любил, – моя невеста Маргарет. Она умерла два месяца назад, а я... я перестал быть человеком задолго до ее последнего вздоха.

Я никогда не верил в легенды Северной Шотландии – ни в ведьм, ни в магию, ни в силу старинных проклятий, – до тех пор, пока страшная древняя правда, спрятанная в сказках, не стала моей реальностью. Теперь я живу в кошмаре, которому нет ни объяснения, ни конца. И никто не может мне помочь. У меня нет больше никого: ни друзей, ни родных, ни той, кого я любил до беспомыслия.

Я не знаю, что со мной. Не знаю, кем я стал. И самое страшное – никто другой тоже этого не знает. Все, что осталось миру, – слух обо мне. Говорят, лорд Дерек Драммон исчез в Ведьмину ночь – в ту самую, когда папоротник расцветает лишь на мгновение, чтобы указать дорогу в запретный мир...

Глава 1

Драммоны

*Из дневника Дерека Драммона
11 февраля 1897 года*

Откровенно говоря, я даже не знаю, с чего начать свою историю. Вероятно, лучше описать все с самого начала. Поведать, кем я был и как изменился, как ночь стала мне ближе, чем день, а тишина – привычнее человеческого голоса. Кто знает, какие перемены еще произойдут с моим телом и разумом. Может быть, эти записи однажды помогут мне вспомнить, кем я был, и благодаря им я смогу сохранить в памяти свою семью, родителей, когда-то близких мне людей, а главное – удержать то, что делает меня собой, сохранить свою идентичность.

Клан Драммонов, северная ветвь которого стала моим родом, обосновался на этих землях много веков назад. Здесь, на берегу холодного Северного моря, недалеко от города Терсо, стоит наш родовый замок – Касл Рэйвон. Он вырастает прямо из скалистого утеса. Вид из окон замка открывается величественный: суровое бескрайнее море и серое небо будто срастаются в один горизонт. Когда я был ребенком, мне казалось, что башни упираются в небо, а стены помнят дыхание каждого из предков. Они казались вечными, но даже камень может треснуть...

Мои предки были настоящими северными горцами – упрямыми, стойкими, преданными своей земле и крови. Своей фамилией они гордились, и у них было для этого основание.

Мой отец – лорд Дональд Ангус Драммон – был истинным сыном этого края. Его голос звучал твердо и спокойно, во взгляде чувствовалась сила, которую не нужно было доказывать. Он унаследовал Касл Рэйвон в двадцать пять лет – в том же возрасте, в каком позднее и я стал его владельцем. Он был честным, справедливым, отважным и рассудительным человеком. Я всегда уважал его и стремился быть на него похожим.

Мою мать звали Морат Мак-Кей. Она происходила из старинного рода землевладельцев. Они с отцом поженились совсем юными, и их союз был браком не по расчету, а по любви. Это проявлялось во всем. Их чувства не были показными – они были живыми, теплыми и дарящими тепло, как огонь в камине. Но до моего рождения в их жизни наступили тяжелые времена. Мать дважды теряла ребенка: первый раз на позднем сроке случился выкидыш, второй раз ребенок родился мертвым. Моим сестрам не суждено было увидеть мир. После этого долгое время она не могла снова забеременеть. С ее слов я знал, что тот период стал для них настоящим испытанием. Тоска и горечь потерь легли между ними, и в их жизни появилась тень, которую не могли прогнать ни свет дня, ни тепло домашнего очага.

Чтобы не стать совсем чужими друг другу и не отдалиться навсегда, мой отец принял предложение своего лучшего друга – Дерека Фогеля – отправиться в Ирландию, где вспыхнули волнения. Это решение далось ему непросто, но, как я понимаю, только в нем он видел возможность спасти их с матерью любовью, которая начала тускнеть под тяжестью утрат.

Семья Дерека жила в Шотландии только во втором поколении, родом Фогели были из Германии, поэтому местным жителям его имя казалось чужим. Отец же всегда интересовался европейской историей. Он был человеком начитанным, с живым умом и глубоким уважением к правителям прошлого. Особенно его восхищал Теодорих – король остготов, правивший в V веке, именно в его честь Дерек Фогель получил свое имя. Со временем под влиянием разговорной речи древнее имя Теодорих трансформировалось в привычное Дерек, ставшее популярным среди народов Германии и Нидерландов. Фогель гордился им. Оно означало «владыка народа». И в Дереке действительно присутствовали качества владыки – твердость, верность, благородство.

В одной из стычек в Ирландии мой отец был ранен. Один из бунтовщиков – молодой, обезумевший, с искаженным яростью лицом – занес над ним нож. В тот самый миг Дерек Фогель не раздумывая бросился на защиту. Он закрыл собой отца, был смертельно ранен и умер у него на руках. Отец часто вспоминал тот момент – не как геройство, не как жертву, а как нечто гораздо большее – проявление настоящей дружбы, которое невозможно забыть. Последними словами, которые он произнес Фогелю, были: «Друг мой, твое имя не будет забыто».

Когда отец вернулся домой, он был вне себя от горя. Потеря Дерека Фогеля оставила в его душе глубокую рану, которая, как мне кажется, не зажила до конца его дней. Именно в это время его ждала неожиданная, но радостная весть: моя мать снова была беременна.

Отец не раз вспоминал об этом. Однажды он сказал мне: «В тот день я точно знал, что на этот раз все будет хорошо – у нас будет сын, и наречем мы его Дерекком. Необъяснимое чувство уверенности наполняло меня. В твоём имени, сынок, заключены сила, доблесть и верность. Никогда не забывай этого!»

Тогда же, при этом разговоре, он вручил мне фамильный даггер – нож, передающийся в нашем клане от отца к сыну на протяжении многих поколений. Он был с рукоятью из кости и серебряным ободом, выкован знаменитым мастером. Небольшой, но весомый – не столько оружие, сколько символ. С тех пор я практически всегда носил его при себе.

Что касается моей матери – она, безусловно, была счастлива вновь обрести надежду подарить жизнь после стольких утрат. Но идея назвать ребенка не шотландским именем вдохновляла ее мало. В наших краях, на севере Шотландии, детей называли так, как велит эта земля: Дональд, Дугалд, Дункан, Эван, Арчибальд... Эти имена звучали в стенах нашего замка столетиями. И все же они называли меня Дерекком. В ночь перед моим рождением матери приснился сон, будто к ней явился старец с добрыми, мудрыми, ясными глазами, в которых, как она сказала, «отражалось небо... и все мироздание». Я бы не выразился так поэтично. До сих пор, когда вспоминаю ее слова, начинаю улыбаться. Старец сказал ей: «Назови его Дерекком – он не будет как другие».

Хорошо, что я начал этот дневник. Я давно не вспоминал тот разговор с матерью, и только теперь, когда вывожу эти строки, вдруг понимаю смысл сказанных старцем слов. Вероятно, это был не просто сон. Это было пророчество. Я действительно уже не такой, как другие... К моему великому сожалению...

Имело ли имя какое-то влияние на мою роковую судьбу? Сложилось бы все иначе, если бы я носил другое имя? Думаю, нет. Маргарет вряд ли сжалилась бы надо мной и не прокляла, если бы я звался, скажем, Арчибальдом. Ох, Маргарет... Ладно, о ней – потом. Сейчас не время, не хочу отвлекаться.

С момента моего рождения я был окружен заботой и любовью. И, пожалуй, даже чересчур – особенно со стороны матери. Потеряв двух дочерей, она словно пыталась уберечь меня не только от реального мира, но и от самой идеи утраты. Когда я начал взрослеть, отец стал брать меня с собой на охоту и учить обращаться с оружием. В те дни, провожая нас, мать возлагала на мой лоб крестное знамение и молилась, чтобы ничего не случилось в лесу, я не оступился, не был ранен по неосторожности, чтобы оружие не обратилось против меня самого. Иногда мне казалось, что она стремится уберечь меня даже от моей собственной тени.

Отец посмеивался над ее тревогами, добродушно подшучивал, но и сам – как бы ни старался воспитать из меня доблестного северного горца – оберегал не меньше. На охоте и во время упражнений с кинжалом или мечом он следил за каждым моим движением, создавал видимость суровости, но за ней всегда стояла забота. Он хотел, чтобы я вырос сильным, но еще больше – чтобы я остался живым.

Да... такими были мои родители. Я помню их любовь, тепло нашего дома, каждый праздник, который мы отмечали всей семьей. Особенно я любил Рождество с торжественной службой в нашей семейной церкви-усыпальнице, что находится в ста ярдах от замка. В те зимние

вечера она преображалась: внутри пахло ладаном, свечами и хвоей, и старинные каменные стены не казались такими уж выстуженными, там было спокойно. Но больше всего в детстве я ждал Праздника папоротника в Ведьмину ночь – это самый большой, самый яркий и интригующий праздник в наших краях. Сколько смеха и веселья с друзьями, сколько костров, загадок, обрядов... Такие радостные ощущения он вызывал во мне вплоть до прошлого года, пока не стал самым страшным днем, нет – самой страшной ночью в моей жизни. Но об этом – позже.

Да, Праздник папоротника... Собраться бы теперь снова с мыслями, чтобы продолжить писать...

Глава 2

Мак-Кензи

*Из дневника Дерека Драммона
13 февраля 1897 года*

Клан Драммонов – не единственный, кто веками обитал на этой суровой земле. Есть еще один клан – Мак-Кензи, с которым нас связывает не только граница, но и судьба. Наш замок – Касл Рэйвон – был возведен моим предком в те же годы, когда предки Мак-Кензи строили свою крепость – Касл Мэл. Она стоит всего в миле от нашей, в низине у берега Северного моря, где туманы ложатся на землю, как тяжелые покрывала, и гул волн звучит вечной песней предков.

Легенда гласит, что основатели наших кланов были не просто союзниками, а друзьями по крови. Из поколения в поколение передается предание, что между ними существовала родственная связь. Но ни одна летопись, ни один герб не подтвердил этого – только шепот, звучащий у очага. Так или иначе, мы жили бок о бок веками не враждуя. Мы не были просто соседями – мы были почти одной семьей. Связь между нашими кланами была настолько крепка, что мои родители с самого моего рождения мечтали об одном – о союзе, о браке, который навсегда свяжет нашу кровь с Мак-Кензи. И я не винил их за это – в том было что-то правильное, судьбоносное, неизбежное.

Кроме земли, замка и древнего происхождения у Мак-Кензи была еще одна гордость – винокурня. Завод, построенный ими в XV веке, до сих пор работает. И я, как истинный шотландец, с уверенностью могу сказать: лучше виски, чем у Мак-Кензи, не существует во всей Шотландии. Он крепкий, как слово горца, чистый, как вода с ледников, и согревающий, как огонь в сердце.

А еще с этим кланом связана темная история, которая передается из поколения в поколение почти так же бережно, как рецепт их напитка. Говорят, Айдэн Мак-Кензи, основатель рода, был женат на женщине незнатного происхождения, легенды гласят – на ведьме. Она якобы приворожила его, заставила забыть о невесте из благородного дома, связала его волей, а не любовью. Правда ли это – никто не знает. Нет ни подтверждений, ни опровержений. Только намеки в старинных песнях да взгляды Мак-Кензи, полные предостережений, когда кто-то из них слышит из чужих уст имя Элайзы. С тех пор, как уверяют старейшины, в их роду раз в несколько веков рождается особенный человек – не маг, не пророк, а видящий. Последней такой была Мэри Мак-Кензи. Она жила в XVII веке и, по рассказам, предупредила о пожаре в их винокурне – за три дня до того, как он вспыхнул, спасла жизнь нескольким пропавшим детям, указав, где искать их в лесу, и однажды сказала: «В наш дом войдет проклятие, и случится это из-за любви». Эта фраза врезалась в память рода, как нож в дерево. Я всегда относился к этим преданиям с легкой иронией, но теперь... Теперь, когда я сам стал пленником древней тьмы, я больше не смеюсь над легендами. Иногда именно в них прячется правда, которой боится история.

По мере моего взросления все вокруг будто подталкивало меня к неизбежному. Клан Мак-Кензи возглавлял Каллум Мак-Кензи – достойный и уважаемый человек, крепкий, как гранит, и молчаливый, как большинство горцев в возрасте. Именно ему принадлежал Касл Мэл. У него было двое детей – сын Гордон и дочь Маргарет, которым по праву наследия предназначалось однажды принять замок и винокурню. В доме Каллума жил и младший брат – Эндрюс Мак-Кензи. Судьба его сложилась драматично. Жена умерла, когда их единственная дочь была еще младенцем. Он растил ее в одиночестве – с суровой заботой и беззаветной преданностью. Эту девочку звали Элеонор.

Мы с Элеонор были почти ровесниками, и потому все мое детство, день за днем, связано с ней, как будто нас вместе вплели в ткань судьбы. Мы бродили по лесам, по вересковым полям, прятались в развалинах старых капищ и ловили солнечных зайчиков в ручьях. Элеонор всегда была красива, но красота эта была не надменной, как у столичных девушек, а естественной, природной. Волосы – цвета спелой пшеницы, глаза – большие, голубые. С самого детства в них жила бесстрашная нежность, которую можно почувствовать, но трудно описать. Элеонор всегда смотрела на меня так, как никто другой.

Помимо двух замков в наших краях есть небольшая деревня. Мы с Элеонор всегда были вместе, но не одни. С нами носились по лугам и лесам наши друзья – Хью и Арчи, веселые, шумные, вечно выдумывающие новые игры, чтобы не терять ни единого часа короткого северного лета. Они часто подшучивали над нами и уже с шести лет называли женихом и невестой, а мы только смеялись. Тогда это казалось забавным, ведь Элеонор была для меня как член семьи – как сестра. Когда мне исполнилось восемнадцать, я понял, что больше не вижу в Элеонор сестру. Я начал смотреть на нее как мужчина и уже собирался сделать предложение, но судьба внесла свои коррективы. Моих родителей пригласили на бал, устраиваемый для знати в Эдинбурге, и мы отправились туда на сезон. Я думал – вернусь, все скажу, объявим о помолвке...

Узнав, что я уезжаю, Элеонор заплакала. Впервые она показала свои истинные чувства и сказала, что любит меня. Я замер, потом хотел обнять ее, уверить, что ее чувства взаимны, но слова застряли в горле – что-то необъяснимое удерживало меня. Три года назад я сказал ей, что она мне как сестра. Мне было пятнадцать, и тогда мысли о женщинах были мне чужды. Я жил охотой, верховой ездой и фехтованием. После того разговора Элеонор скрывала свои чувства – боялась быть отверженной. Когда же ее сердце открылось передо мной, я был готов ответить, однако смог произнести лишь:

– Мне жаль. Не плачь. Я скоро вернусь...

Глава 3

Необузданная страсть

*Из дневника Дерека Драммона
14 февраля 1897 года*

Это был не первый мой визит в Эдинбург с семьей, но впервые я прибыл туда как мужчина – не как ребенок под присмотром родителей, а как юный лорд, перед которым открылись двери большого мира. Началась череда балов, вечеров, приемов – светская жизнь ворвалась в мою реальность как вспышка – ослепительно, ярко, соблазнительно. Хрустальные люстры и зеркала наполняли залы игрой света, женщины блистали в шелках и драгоценностях. От калейдоскопа цветов и ароматов у меня буквально кружилась голова.

Я всегда знал, что красив – мне говорили об этом и люди, и зеркала: высокий рост, атлетическое сложение, темные волосы, утонченные черты. Однако только красота не могла объяснить того, что происходило в Эдинбурге. Эффект, который я производил на благородных дам, оказался сильнее, чем я мог представить. Стоило мне войти в зал – и все взгляды обращались ко мне, разговоры прерывались. Я чувствовал внимание, как жар на коже. Женщины тянулись ко мне, как мотыльки к пламени. И я не смог устоять...

Я забыл об Элеонор так быстро, будто совсем и не знал о ней. Все то, что начинало рождаться в моем сердце, оказалось сметено первым вихрем эдинбургских салонов. Я упивался вниманием, вереницей событий, свободой. Мы с отцом посещали закрытые джентльменские клубы, где в туманах сигарного дыма говорили о политике, биржах, связях. Я завел новых знакомых, наставников – старших товарищей, которые учили меня тонкостям светской жизни.

Я ощущал себя на вершине – мир лежал у моих ног. Театры, музыкальные салоны, литературные вечера, прогулки по Принцесс-стрит-гарденс и пикники в Холирудском парке... Моя жизнь вдруг наполнилась звуком, цветом, движением. Я фехтовал по утрам, скакал верхом после полудня, а вечерами терялся в потоках света и музыки. Я будто вырвался из клетки. Был как вольный ветер, не знающий границ.

Больше всего меня привлекали философские клубы. Я открыл в себе неутолимую жажду познания. Страсть к философии разгоралась с каждым вечером и с каждым спором. Я слушал, говорил, дискутировал, писал. Но была и другая страсть – бессловесная, жгучая, плотская, с каждым днем разрастающаяся внутри, – страсть к слабому полу.

Мой новый друг Генри, родом из Лондона, открыл мне двери в иной мир, точнее – в тайные салоны, устраивавшие музыкальные или литературные вечера, куда доступ был только по приглашениям. Именно там я впервые оказался в кругу куртизанок, актрис, женщин, которые знали цену своим взглядам и словам.

Генри был старше меня на несколько лет – светский, остроумный, соблазнительно циничный. В одном из клубов за бокалом виски он вдруг спросил меня:

– Ну скажи, Драммон, а каков был твой первый опыт с женщиной?

Я залился краской, как мальчишка, и с неловкой полуулыбкой признался:

– Увы... Если не считать поцелуев в щеку с Элеонор, то никакого.

Он усмехнулся и поднял бокал:

– Что ж, мой юный друг, тогда ты оказался в нужном месте и в нужное время! Сегодня же вечером мы это исправим.

Так и вышло. В тот же вечер на одном из так называемых литературных собраний мне представили молодую актрису – Эвелин Свон. Она была грациозна, как лань, улыбалась так,

словно знала обо мне все, а ее горячий взгляд говорил, что она знает, как сделать из юноши мужчину. После того вечера меня было не удержать.

На балах debutантки из высшего света мечтали, чтобы я хотя бы посмотрел в их сторону. Я стал завидным женихом. Приглашения на ужины, чаепития, охоты и выезды приходили к нам домой десятками. Матери юных леди устраивали настоящую осаду, но я больше не искал брака. Я наслаждался вниманием, упивался флиртом и телами. Светская жизнь стала для меня сценой, на которой я блистал. И так было до конца сезона, пока я не встретил Шарлотту Пемброк.

Шарлотта напоминала хрупкую фарфоровую статуэтку, созданную для созерцания ее прелестей в тишине, а не для бурного романа. У нее была матовая, почти прозрачная кожа, словно свет скользил по ней, не осмеливаясь задерживаться, и большие печальные глаза цвета чая, в которых пряталась отстраненность. Ей было двадцать три. Она появилась в обществе ближе к концу сезона. Как я узнал позже, ее муж – старик с дурным нравом – был болен, и она ухаживала за ним с благородной покорностью. Шарлотта была яркой представительницей Уэльса: сдержанная, изысканная, но с внутренними бурями. Из всех женщин, которых я встречал, она была, вероятно, единственной, кто не замечал меня. Это было внове для моего эго, и это задело.

Я следил за ней взглядом, рассматривал ее силуэт у камина, ловил ее отражение в зеркалах, но как только приближался – она исчезала, ускользала, как мираж в мареве летнего полудня. Я почувствовал, как внутри просыпается охотничий инстинкт. Я должен был завладеть ее вниманием, и это стало не игрой, а наваждением, манией.

Сезон близился к концу, времени оставалось все меньше. Я появлялся везде, где была она. Мой друг Генри, обладая нужными связями, собрал для меня информацию. Я хотел знать все: кто она, откуда, с кем, почему. Наконец, за неделю до моего возвращения домой мне удалось поговорить с ней. На одном из приемов мы оказались одни в саду. Ночь была ясной, воздух, насыщенный на аромате цветов, пробуждал запретные желания. Я был собран и в тот короткий разговор продемонстрировал все, чему научился: обаяние, вежливость, сдержанность. Я чувствовал себя ловцом, подкрадывающимся к дикому зверю. Одно резкое движение – и цель исчезнет... Я знал, что она замужем и все это может обернуться скандалом, но я был словно одержим.

Она слушала молча, но не отводя взгляда. В ней боролись страх и любопытство – я интуитивно чувствовал это. И тогда я понял: она избегала меня намеренно. Она знала, кто я, слышала о моих успехах в Эдинбурге и боялась не меня, а чувств, которые я в ней пробуждал. И в этот момент меня уже было не остановить...

Шарлотта стала моим вызовом. Я придумывал всевозможные предлоги и схемы для новых встреч с ней, и наконец за день до моего отъезда я взял этот бастион. Она стала моей, и я уже не мог просто уехать. И тогда я нашел решение – объявил родителям о желании поступить на годовой курс философии в Эдинбургский университет. Надо отдать им должное – они не стали задавать лишних вопросов. Мать с отцом были искренне горды моим выбором и безоговорочно меня поддержали. Так я остался в Эдинбурге почти на год.

Моя жизнь расцвела. Я учился с удовольствием, заводил новых друзей, вел бесконечные дискуссии, впитывал философские знания. Но главное – я проводил время с Шарлоттой. Когда у нее появлялась возможность ускользнуть из дома, она принадлежала только мне.

Однажды ночью я забрался к ней в спальню. Окно на втором этаже выходило к раскидистому дереву – по нему я и поднялся. Шарлотта и ее муж давно спали в разных комнатах. В ту ночь я чувствовал, что нарушаю границы дозволенного, но она впустила меня.

Наши встречи под покровом ночи или среди бела дня будоражили меня сильнее любых балов, дебатов или побед. В ее присутствии моя кровь кипела, будто прикосновение ее пальцев разжигало в венах огонь. Однако, как и все запретное, это не могло длиться вечно. Спустя три

месяца после начала нашей связи Шарлотта со слезами и едва сдерживаемой болью сообщила, что ее муж полностью оправился от болезни и они возвращаются в Уэльс. Я не пытался ее остановить – не имел права. Я просто смотрел, как она уходит, и страдал... Ровно неделю.

Моя влюбленность, как я тогда считал, оказалась недолгой. Сейчас я понимаю: это была не любовь, а страсть. Юношеская, горячая, мимолетная. Огонь был яркий, но быстро погас, оставив легкий след, как ожог на коже.

Год в Эдинбурге пролетел словно утренний сон – красочный, беспорядочный и стремительно ускользающий с первыми лучами солнца. Подходило время нового сезона балов, и я ждал его с нетерпением. Но Генри, мой неизменный спутник, однажды сказал, что Эдинбург наскучил ему. Он хотел вернуться в Лондон – в столицу, где, по его словам, жизнь была ключом – была шумнее, ярче, изощреннее. И он с таким восхищением описывал лондонский колорит, клубы, театры, уличные сцены, приемы, что я, не раздумывая, заявил: я еду с ним.

Я написал письмо родителям в Касл Рэйвон, уладил финансовые вопросы, завершил обучение и отправился в Лондон – покорять новое общество. И там, в городе дыма и огня, я прожил целых пять лет в непрекращающемся вихре, где смешивались светская жизнь, вино, женщины, искусство, философия, азарт, пустота и утонченный цинизм.

Мне было двадцать четыре, когда я вернулся домой. Я уезжал из Касл Рэйвон мальчишкой – восторженным, горячим, жадным до мира, а вернулся, как мне тогда казалось, мужчиной, познавшим жизнь во всех ее проявлениях. Я был переполнен впечатлениями, но истощен, внутренне выжжен. Все, что раньше казалось желанным, теперь вызывало усталую полуулыбку. Пикники, Гайд-парк, бесконечные рауты, свидания, театры, оперы – все это перестало волновать. Казалось, я катался на этой карусели слишком быстро – и теперь она вращалась без меня.

Мне хотелось одного – тишины. Той самой северной тишины, которая живет в каменных стенах моего замка, звучит в реве волн у подножия утеса и в которой можно услышать самого себя. Я мечтал просто посидеть один на краю скалы, глядя в бесконечные воды Северного моря.

Глава 4

Возвращение блудного сына

*Из дневника Дерека Драммона
15 февраля 1897 года*

Вернувшись домой, я с упоением погрузился в тихую жизнь, о которой мечтал последнее время. Меня не тянуло в свет, не манили развлечения и рауты, я хотел видеть лишь своих родителей – и никого больше. Дом принял меня так, словно я никогда не уезжал. Касл Рэйвон был наполнен теми же тенями, стены его дышали той же стужей, а за ними раздавался тот же рев прибора. И в этом постоянстве я находил покой.

Прошло несколько дней, и в один из вечеров родители сообщили, что семья Мак-Кензи устраивает ужин в Касл Мэл и мы приглашены. Я впервые с момента возвращения поинтересовался, как дела у Элеонор. Ответ меня удивил: она все еще не была замужем. В наших краях девушка почти двадцати четырех лет уже давно должна была стать женой и матерью, особенно такая красавица, как Элеонор. Мои родители обменялись взглядами и тем дали мне понять, что Элеонор ждала моего возвращения. Эта новость не вызвала во мне радости. Честно сказать, я был истощен, женское внимание и бесконечные уловки, чтобы заманить меня под венец, раздражали. Мысль о том, что мне снова предстоит отбиваться – да еще от той, кто была мне почти родной, – вызвала усталость и тревогу. Но куда больше меня тяготило другое: Элеонор была не просто девушка, она была членом семьи Мак-Кензи, частью клана, с которым Драммоны были связаны кровью, честью, веками дружбы. И я слишком хорошо понимал: любой мой шаг или неосторожное слово могли обернуться разрывом между двумя родами, и вся тяжесть этой ответственности легла бы на меня.

Я очень хорошо помню день перед встречей с Мак-Кензи. Я вышел побродить вокруг Касл Рэйвон. Мне хотелось подумать, взвесить, как следует себя вести с Элеонор, но стоило сделать несколько шагов по каменистой тропе, как мысли улетучились, будто их сдул весенний ветер. Погода была удивительной – непривычно теплой и ясной для этих мест. Я замер на вершине холма, глядя вниз – на волны, разбивающиеся о скалы. И в тот миг все вокруг – воздух, вода, камни – словно поглотило меня. Всем своим существом я ощутил, как мне не хватало этого места, этих ветров, этой суровой, молчаливой красоты. Нигде в мире не было ничего роднее. Я чувствовал, что здесь – мой дом, моя земля, мое наследие. В груди что-то бурлило – первозданное, дикое, как волны, с глухим рокотом рушившиеся о скалы. Моя шотландская кровь пела в унисон с Северным морем.

И тогда в голове мелькнула мимолетная мысль: а может, не стоит упускать Элеонор? Мой дом – здесь. Моя жизнь – здесь. Зачем метаться между Лондоном и Эдинбургом, искать чего-то в шумных городах, если счастье можно найти в каменных стенах Касл Рэйвон? Жениться, продолжить род, жить спокойно рядом с доброй, красивой женщиной... Едва эта мысль сформировалась, как сердце сжала тоска. Перед внутренним взором встала картинка: бесконечно одинаковые дни, скрип половиц, звон бокалов на обедах, прогулки по заледеневшим тропам с женщиной, которую я не люблю... Монотонная, медленная жизнь, в которой ничего не будет происходить. И тогда я понял: нет, жениться еще не время.

Когда мы прибыли на ужин, семья Мак-Кензи встретила меня так, будто я был их родным сыном, давно потерянным и наконец вернувшимся домой. Не было ни тени неловкости, которой я ожидал. Каллум и Эндрюс пожали мне руки – крепко, сдержанно, по-мужски. Каллум, хлопнув меня по плечу, сказал с широкой улыбкой:

– Да ты стал настоящим мужчиной, Дерек.

Фиона Мак-Кензи, тоже улыбаясь, по-матерински обняла меня и крепко прижала к себе. – Добро пожаловать домой, – произнесла она.

Я кивнул, сдержанно улыбнулся и, на мгновение закрыв глаза, позволил себе почувствовать этот дом – запахи, звуки, тепло.

И вот очередь дошла до Элеонор. Она стояла напротив меня все такая же: нежная, тонкая, с широко раскрытыми голубыми глазами, полными любви и преданности, которые можно увидеть лишь в глазах собаки, ждущей хозяина у порога. В груди кольнуло острое чувство вины. Я улыбнулся ей – коротко, вежливо. Произнес положенный комплимент – честно говоря, не помню даже, что именно. Какой-то безопасный, правильный набор слов, скрывающий страх. И сразу отвел взгляд – как вор, застигнутый в момент кражи. Затем повернулся к младшему сыну Каллума – Гордону, которому теперь было лет девять или десять. Когда я уезжал в Эдинбург, он был еще крохой.

– Гордон, малыш, да ты, я смотрю, тоже стал мужчиной, пока меня не было! – сказал я с искренним смехом. – Ничего себе, как вырос! Я бы тебя не узнал, встретив на улице.

Мальчик засветился от радости и тут же засыпал меня вопросами про лошадей, Эдинбург и Лондон. Он спас меня в ту минуту от Элеонор, от ее глаз и от меня самого.

Ужин прошел великолепно. Эль лился рекой, огонь в камине потрескивал, велись неспешные разговоры. И только спустя время я заметил, что за столом пустовало одно место – дочери Каллума Маргарет не было видно. Я перевел взгляд на пустой стул, и глава клана Мак-Кензи, заметив мой вопросительный взгляд, печально улыбнулся.

– Она сегодня нездорова, – коротко сказал он.

В этой фразе, в оттенке его голоса было что-то такое, что заставило меня на мгновение напрячься. Я лишь кивнул в ответ, не задавая лишних вопросов. Однако Гордон, заметив мое замешательство, добавил с едва заметной обидой в голосе:

– Она в последнее время всегда нездорова... Ну или здорова только тогда, когда надо идти к ее любимым животным. Даже со мной мало разговаривает.

Я хотел было побольше узнать о Маргарет, но Эндрюс, словно почувствовав это, перебил меня, начав интересоваться моим пребыванием в Лондоне. Я сразу понял: семья Мак-Кензи не хочет продолжать разговор о старшей дочери Каллума.

За ужином я старался избегать взглядов Элеонор, но чувствовал их на себе все время. Когда мы уходили, она вышла попрощаться. В ее глазах я увидел слезы и безнадежность, и чувство вины накрыло меня с новой силой. Всю ночь, до самого рассвета, я не мог уснуть – все пытался убедить себя, что не виноват, что никогда не давал обещаний, никогда не говорил ей о любви. Мы росли вместе как брат и сестра. То, что она полюбила меня, ожидала чего-то большего – было ее трагедией, не моей. Но как бы я ни пытался оправдаться в своих глазах, чувство вины не уходило, оно легло мне на плечи тяжким бременем.

После того вечера я старался избегать замка Касл Мэл. Мы часто встречались с Каллумом и Эндрюсом на охоте и на конных выездах в вересковые поля. Мужская дружба продолжала существовать, но званных ужинов и семейных встреч больше не было. Так прошло около пяти месяцев. На дворе стоял холодный, промозглый январь. Серое небо накрыло землю тяжелым оловянным куполом. Я восстановился, отдохнул от лондонской жизни и вдруг почувствовал скуку – тягучую, как туман над болотами. И в этой скуке начинали пробуждаться старые привычки – мне стало не хватать женского внимания. Мысль о том, чтобы снова приблизиться к Элеонор, заставила меня задуматься: вдруг что-то изменится, вдруг я все-таки захочу жениться?

Я предложил семье организовать ужин и пригласить Мак-Кензи. Конечно, они сразу согласились. И мои родители, и семья Мак-Кензи искренне обрадовались. В их душах снова вспыхнула искра надежды – мечта, что два древних клана наконец станут одной семьей.

На ужине я вел себя осторожно, сдержанно, не позволяя себе лишних жестов или взглядов. Я хотел прислушаться к своему сердцу. Мне совсем не хотелось сделать шаг, о котором я мог бы потом пожалеть. Так началась моя осторожная игра. Раз в две недели я посещал Касл Мэл. Мы ужинали, разговаривали о пустяках, гуляли по вересковым полям. Хотя весна не торопилась, казалось, что все выстраивается само собой. Тогда, конечно, я и представить не мог, что надвигается трагедия, которая все перевернет.

Весной мои родители собрались в Эдинбург – распорядиться делами. По дороге они решили навестить друзей, живущих на северо-востоке Шотландии. Их замок, как и наш, стоял на высоких обрывистых скалах. Карета моих родителей сорвалась с утеса и исчезла в бушующих волнах...

До того момента я никогда не знал, что такое настоящее горе. Двадцать пять лет моя жизнь была полна света: любви, праздников, беззаботной радости. Но тот страшный день изменил меня навсегда. Горе, отчаяние охватили мою душу, я тонул в них, как в черной бездне Северного моря. Я больше не был собой. Тот мальчишка, что когда-то уехал в Эдинбург искать приключений, тоже умер. Я до сих пор не понимаю, как нашел в себе силы организовать доставку тел моих родителей домой и устроить церемонию захоронения в нашем семейном склепе. Надо отдать должное Мак-Кензи – они были рядом, помогли мне во многом. Их горе было искренним, потеря близких друзей легла на них горестным грузом.

В те дни из моих глаз вылилось столько слез, что я и представить себе не мог, как человеческое тело способно производить их в таком количестве. До того времени – а я ясно, отчетливо помню себя с четырех лет – ни одна слеза не скатилась по моей щеке. Тогда же, как мне казалось, я выплакал слезы на несколько жизней вперед.

Прошли дни, недели. Слезы высохли, и вместе с ними исчезла внутренняя наполненность. В душе образовалась гигантская пустота – без границ, без света. Меня больше ничего не интересовало – ни люди, ни книги, ни семейное дело. Я никого не хотел видеть и слышать. Я жил один в Касл Рэйвон – в тишине, в серости каменных залов, среди воспоминаний... И мне казалось тогда, что ничего страшнее быть уже не может. Как же я ошибался! То была лишь прелюдия, подготовка к той тьме, которая должна была прийти позже.

Глава 5

На грани судьбы

*Из дневника Дерека Драммона
16 февраля 1897 года*

Осенью, немного придя в себя от горя, я принял приглашение моего дорогого друга Генри погостить у него в Лондоне. Мне казалось, что смена обстановки облегчит боль, пусть и ненадолго. Я отсутствовал в Касл Рэйвон полгода и к годовщине смерти моих родителей вернулся домой. Поездка и встречи с друзьями, безусловно, помогли. Я смеялся, пил вино, вел беседы, как и раньше, но уже не мог стать прежним. Часть меня, беспечного молодого лорда, безвозвратно осталась в прошлом.

На мои плечи легла тяжесть ответственности: управление замком, забота о людях, работающих на землях Касл Рэйвон, и главное – семейное дело – производство шерсти и шерстяных изделий, которые были популярны на севере Шотландии. Отец, безусловно, всему меня обучал. Я знал, как должны работать ткацкие станки, как отбирать лучшую овчину, как вести переговоры о поставках. Но прежде это было теорией, теперь же стало практикой. Так в свои двадцать шесть лет я стал хозяином замка – настоящим лордом. Я нес ответственность за дом, за производство, за людей и, главное, за самого себя. Со временем боль утраты утихла. Разрывающая душу рана постепенно затянулась, но внутри остался холод. Радости жизнь мне так и не приносила.

В первую же неделю после своего возвращения из Лондона я нанес визит семье Мак-Кензи. Они встретили меня с теплом, с искренней заботой. Переживали, поддерживали, старались скрасить мое одиночество. Что тут скажешь? Они были мне семьей – единственной, что осталась.

После обеда мы с Элеонор вышли прогуляться. Наверное, впервые за последние несколько лет мы разговаривали так долго. И в том разговоре между нами появилось легкое напряжение. Элеонор говорила о будущем – просто, как о чем-то само собой разумеющемся. Ее голос был полон нетерпения, нежных укоров, скрытых ожиданий. Она намекала, что хочет видеть меня чаще, ей нужно понимание будущего. Однако с каждым ее словом я ощущал, как во мне нарастает раздражение. Она не понимала, что после утраты родителей, после всего пережитого я не был способен думать о планах, о романтике, о свадьбе. Мир, который она рисовала – уютный, предсказуемый, безопасный, был мне тогда невыносим. Она говорила, что прошел год, нужно жить дальше и раны должны заживать. Я и жил дальше – я принял утрату и научился дышать без боли. Проблема была не в этом, она была в том, что в будущем я не видел рядом с собой Элеонор... Во время того разговора я ясно осознал это. Я чувствовал пустоту внутри и не знал, чем ее заполнить. Но одно я знал наверняка: в этой пустоте не было места для Элеонор. Как бы я ни уговаривал себя, как бы ни пытался мысленно дать нам шанс на общее будущее, истина была проста и безжалостна: я не мог и никогда не смог бы полюбить ее как женщину. Мои чувства к ней были родственными – теплыми, уважительными, как к сестре, как к части семьи, которой для меня были Мак-Кензи, не более того...

Мы шли все дальше, я поддерживал беседу, и мои слова текли сами собой – вежливые, пустые, будто я боялся молчания, которое рано или поздно должно наступить. Так мы добрались до небольшого пролеска. Я краем глаза уловил какое-то движение в стороне от тропы. Сначала не придавал значения – ветер, игра света... Но когда мы подошли ближе, я увидел пару оленей с олененком. Они испуганно встрепенулись и, словно по команде, исчезли в лесной чаще. Я остался стоять, вглядываясь в место, где только что стояли животные, и увидел ее. На

краю леса, на границе света и тени, к нам спиной неподвижно сидела девушка. На ней были ярко-бирюзовое платье и в тон ему шляпка. Я не мог видеть ее лица – только прямую спину, тонкие плечи, легкий наклон головы, будто она прислушивалась к шорохам леса. Я смотрел на нее, не в силах оторвать взгляда. Казалось, мир вокруг вдруг замер, даже ветер стих. Элеонор же, увлеченная своим монологом, полным затаенных упреков и плохо скрываемых ожиданий, ничего вокруг не замечала. Для нее в тот момент существовала только одна важная тема – ее чувства и мое отношение к ним, и она продолжала говорить. Наконец, заметив, что я не слушаю ее, Элеонор с еле скрываемым раздражением в голосе бросила:

– Ворон, ты слышишь меня?

Ворон... Я давно не слышал, чтобы кто-то так меня называл. Когда-то в детстве в деревне мне дали это прозвище за мои волосы – густые, смоляные, словно вороново крыло. Элеонор единственная из всех звала меня так в юности – до того дня, как я уехал в Эдинбург. На секунду во мне что-то дрогнуло – легкая тень воспоминаний... Но затем мое внимание вернулось к девушке. Сидя на траве, она резко обернулась. Ее глаза – большие, карие, с янтарным отливом – блеснули огнем негодования. В них были возмущение и обида за нарушенную идиллию, священную тишину ее мира.

Наши взгляды встретились. И в тот миг у меня внутри что-то сжалось, я ощутил странное чувство – будто теряю равновесие и падаю со скалы в пучину волн. Дыхание перехватило, и все звуки потонули в одном-единственном – пульсировании крови в ушах. Это длилось секунду, но вместе с тем стало началом чего-то необратимого.

Контакт наших глаз был мгновением – коротким, острым, как вспышка молнии. Но он произвел на меня такое ошеломляющее впечатление, что я не мог оторвать от девушки взгляда. Она быстро поднялась на ноги, легко, почти невесомо, и исчезла в глубине леса, как мираж, как видение. И все же ее образ остался передо мной настолько ярким, настолько живым, что я не мог вымолвить ни слова. Мир вокруг словно застыл.

Элеонор, наконец уловив направление моего взгляда, проследила за ним. Когда она поняла, что именно привлекло мое внимание, ее лицо изменилось. В глазах вспыхнули упрек, обида и, конечно, ревность. Поджав губы, она резко произнесла:

– Не обращай на нее внимания. Она просто сумасшедшая, и с каждым днем становится все хуже и хуже.

В ее голосе звенела злость, раненая гордость. Я стоял молча, собираясь с мыслями, постепенно обретая самообладание.

– Это она? – спросил я наконец. – Это Маргарет?

Последний раз я видел ее ребенком. В моей памяти ее образ был расплывчатым – светлым, но каким-то безликим, далеким.

Элеонор кивнула с холодной сдержанностью:

– Да, она.

Я сразу вспомнил слухи, которые ходили по нашей округе о Маргарет. Говорили, что она ведьма, что у нее есть дар, унаследованный от одной из представительниц рода Мак-Кензи. Я не придавал серьезного значения рассказам о том, что в их семье раз в несколько поколений рождаются видящие, это казалось мне наивной стариковской болтовней – до тех пор, пока глаза наши не встретились. Я стал судорожно вытаскивать из глубин памяти все, что когда-то слышал о Маргарет. Вспоминал, как люди из соседних деревень приходили к ней за исцелением, как она готовила снадобья и отвары, которые действительно помогали. И это были не чудеса, не слухи, а реальные истории. Женщины с благодарностью рассказывали о вылеченных ранах, старики – о спасенных от лихорадки внуках. Да, да, тогда я вспомнил это ясно, свидетельства были. Но Маргарет никогда не искала чьего-либо общества. Она держалась в стороне, избегала встреч с людьми без особой необходимости, принимала только тех, кому нужна была помощь.

И большую часть времени проводила среди животных. Ее мир был другим, не человеческим. И это знали все.

Я спросил у Элеонор:

– Это правда, что она умеет говорить с животными на их языке, как рассказывают в округе?

Элеонор поморщилась, будто я задал неприятный вопрос, и с раздражением ответила:

– Она утверждает, что читает их мысли. Но нет, не говорит на их языке. Дерек, не обращай на нее внимания – она просто чокнутая.

Я задумался и снова спросил:

– А почему она никогда не появляется на людях?

Элеонор пожала плечами, но я уловил, как ее лицо на мгновение стало настороженным, словно она знает больше, чем хочет сказать.

И вот сейчас, когда я вывожу эти строки, я понимаю: ведение дневника, возможно, действительно поможет мне в чем-то разобраться. Описывая события, я вспоминаю то, что до этого будто бы стерлось из памяти.

Так вот, тогда Элеонор все же призналась, что Маргарет с детства видела один и тот же сон или, возможно, видение. Она говорила, что однажды страшное зло совершится из-за близкого человека, из-за предательства. Она была одержима этим страхом и именно поэтому держалась от людей на расстоянии, не подпускала никого к себе. Ее душа и сердце были заперты на замок – тяжелый, ржавый замок пророчества. Она жила, чтобы не допустить его исполнения.

Значит, она знала... Знала с самого детства... И к этим мыслям я еще вернусь, обязательно вернусь...

Спасибо тебе, дневник, ты ведешь меня в нужном направлении.

А сейчас... Сейчас, я чувствую, близится рассвет... Я еще не вижу его, но каждой клеточкой своего тела болезненно ощущаю его приближение. Еще несколько минут – и я не смогу больше писать. А жаль... Это снова начинается, и это очень больно...

Глава 6

Свет среди серых скал

*Из дневника Дерека Драммона
17 февраля 1897 года*

Тот разговор с Элеонор окончательно отдалил нас друг от друга. Я все яснее понимал: вся ее жизнь строилась вокруг ожидания моего возвращения, вокруг будущего брака, вокруг мечты, я должен был стать смыслом, центром ее жизни. И в этом было что-то странное, пугающее...

У Элеонор не было собственных интересов. Не было увлечений, стремлений, мечтаний, кроме одного – быть рядом со мной. Она с радостью готова была разделить мои увлечения. Но не потому, что ее действительно интересовал мой мир, а потому, что это было способом угодить мне. Быть ближе, быть нужной.

В тот день я осознал это острее, чем когда-либо. Я не хотел жениться на женщине, у которой нет собственной жизни, собственного света. Я не хотел быть для кого-то единственным смыслом существования, центром вселенной, построенной на покорности и ожидании. В этом было нечто удушающее и глубоко неправильное.

Пока я размышлял об этом, возвращаясь домой после прогулки, что-то внутри не давало мне покоя. Я не мог понять, что именно. Пустота – привычная спутница последних месяцев – вдруг отступила. На ее месте зародилось нечто другое. Я остановился на тропе, закрыл глаза и прислушался к себе. Это было волнение – незнакомое, вызванное образом, который упрямо всплывал в моих мыслях. Образ, вытеснявший собой все остальное: глубокая, чуть выцветшая на солнце голубая шляпка, выбивающиеся из-под нее каштановые локоны, большие карие глаза, темные, как северная ночь. Обычно женщины одаривали меня взглядами, полными восхищения, ожидания и поклонения. Взгляд же Маргарет был другим. В нем отражался целый спектр эмоций: испуг, возмущение, презрение, но не было мольбы, сладкой покорности и того легкого благоговения, к которому я давно привык. В ее глазах была свобода. И вызов.

Во взглядах других женщин всегда угадывался негласный зов. Они жаждали, чтобы я приблизился, ждали прикосновения, внимания, присутствия. Даже Шарлотта, избегая встреч, желала меня. Ее бегство было лишь другой формой стремления ко мне. Но с Маргарет все было иначе. Ее взгляд был предупреждением: «Не приближайся!» В ее глазах не было ни малейшего намека на желание видеть меня рядом. Ни моя внешность, ни титул, ни популярность – ничто не тронуло ее. Лорду Драммону в ее мире не было места. И это ошеломляло. Я не ожидал, что за несколько лет, пока меня не было, щуплая, костлявая девочка с заостренными чертами лица превратится в такую красавицу. Маргарет было двадцать.

Образ Маргарет не покинул меня и в ночь после нашей встречи – он пришел ко мне во сне. Всю ночь я звал ее, гнался за ней через леса, по вересковым полям, по скалистым обрывам. Я почти касался ее рукой, но каждый раз, когда я был готов заключить ее в объятия, она исчезала. Растворялась, как мираж, как дым, как сон...

Как ни странно, утром я проснулся в приподнятом настроении, с ощущением ясности и решимости, которых не знал давно. Впервые за целый год со дня смерти моих родителей безразличие покинуло меня. Я снова почувствовал жизнь.

Жизнь! Это слово в тот миг звучало для меня как музыка. С каждым новым вздохом, с каждым биением сердца я ощущал любопытство и интерес ко всему происходящему, они вливались в мою душу потоками, заполняя мертвые пустоты. Я чувствовал, что начинаю оживать.

Едва закончив завтрак, я направился к тому месту, где накануне видел Маргарет. Сердце билось быстрее обычного. Я шел быстро, почти не чувствуя под собой земли. Но, к моему великому разочарованию, в тот день она так и не появилась. Я прождал ее несколько часов, слоняясь по вересковым полям, по пролескам, обшаривая взглядом каждую тропинку, каждый просвет между деревьями. Я надеялся встретить ее хотя бы мельком, увидеть издали, но все было тщетно.

На следующий день мне повезло больше. Я заметил ее издали – легкую фигуру в светлом платье, уходящую в сторону леса. И последовал за ней, стараясь оставаться незаметным. Шел тихо, временами крался, как охотник, заметивший долгожданную лань. Каждое мое движение было выверено, каждое дыхание – сдержано.

Когда Маргарет скрылась в лесной чаще, я едва осмеливался наступать на землю, боясь выдать себя хрустом веток или шорохом травы. Но она не ушла далеко. Пройдя всего несколько шагов в глубь леса, Маргарет остановилась. Я затаился за деревьями и наблюдал.

Она расстелила на земле небольшой плед в сине-зеленую клетку – цветов клана Мак-Кензи. Поставила на него корзинку и стала доставать оттуда одну за другой всевозможные баночки, коробочки и пучки трав. Она действовала неторопливо, тщательно, словно совершала древний ритуал, понятный только ей одной. И я смотрел на нее, не в силах отвести взгляда.

Когда все было аккуратно разложено на пледе, Маргарет села. Закрыла глаза и подняла лицо к небу. Я не знал, зачем она это делает. Но не мог оторвать взгляда от ее лица, такого чистого, светлого. На ее губах играла нежная, едва заметная улыбка – невинная, трепетная.

Я прятался в кустах, не осмеливаясь подойти ближе. И не мог понять: кого она ждет? Зачем сидеть в лесу, в сыром, тенистом месте, тогда как на поле уже можно насладиться первыми робкими лучами весеннего солнца? Почему она закрыла глаза? Кому или чему она внимает? На миг в голове мелькнула мысль: может быть, люди действительно правы, говоря, что она ведьма? Но эта мысль исчезла так же быстро, как и появилась, потому что я смотрел на ее улыбающееся, открытое лицо и понимал: девушка с такой ангельской улыбкой не может быть ведьмой.

Я не знаю, сколько времени провел там, завороченно глядя на нее. Минуты, часы – все потеряло значение. Маргарет словно стала частью леса. И вдруг я заметил движение – из глубины леса к ней начали выходить животные. С одной стороны осторожно приближались дикие кабаны, с другой – медленно и грациозно подошло семейство оленей. Я уже готов был схватить палку, закричать, броситься вперед, чтобы защитить ее – спасти от неминуемой опасности, однако застыл в изумлении, потому что увиденное перевернуло мое представление о реальности. Маргарет открыла глаза, ее лицо озарила счастливая улыбка.

– Вот вы где, – произнесла она ласково. – Я уже заждалась. Вы сегодня припозднились.

Ее голос был теплым, наполненным любовью и доверием, и животные слушали ее, как слушают собаки своего хозяина – внимательно, трепетно. Только это были не собаки, это были дикие звери, природа которых – бежать от человека или нападать на него, но они стояли и смотрели на Маргарет как на ту, кто была для них своей. Я пребывал в изумлении. То, что я видел, не поддавалось объяснению, не укладывалось в привычные законы мира.

Олень мягко подтолкнул к Маргарет носом своего маленького олененка. Я сразу заметил – у малыша была повреждена ножка. Он с опаской оглянулся на родителей, затем перевел настороженный взгляд на девушку, ласково протягивающую к нему руку. Она что-то нашептывала ему, тихо, едва слышно, словно ветерок колыхал травы. Олененок, поколебавшись, медленно приблизился.

Маргарет осторожно наложила мазь на раненую ножку, затем ловко закрепила легкую повязку. Малыш стоял спокойно, только внимательно вглядывался в ее лицо. Тем временем два диких кабана терпеливо ждали своей очереди. Без страха, без агрессии, как будто понимали, что здесь они в безопасности.

Маргарет, не прерывая движений, тихо напевала какую-то мелодию, переплетая ее с ласковым шепотом. Я не различал слов, но интонация была наполнена добротой и заботой. Она приласкала каждого из животных, нежно коснулась их шкурок. Затем угостила всех лакомствами. Животные принимали угощение спокойно и, словно поблагодарив, уходили обратно в лес. Их место тут же занимали другие. Олени, кабаны, лисы, мелкие зверьки... – это было похоже на бесконечную странную процессию, на древний забытый ритуал единства человека и природы. И я все так же стоял, не в силах поверить собственным глазам.

Я не мог понять, как такое вообще возможно – как дикие животные, по природе своей осторожные, могли прийти к человеку с таким доверием. Но я точно знал одно – я не хотел называть это колдовством. Нет, это было нечто прекрасное. Маргарет была похожа на ангела, на посланницу мира и исцеления. Она несла избавление от боли, от страха, от тяжести земной жизни.

И вдруг я почувствовал острый укол ревности. Она смотрела на них с такой любовью, с таким нежным вниманием, которых я не достаивался... Она ждала их. Они были частью ее мира, ее интересов, ее жизни. А я?.. Я для нее был никем и ничем. Их присутствие радовало ее, а мое – приносило лишь досаду. В тот момент мне, как никогда прежде, захотелось заполучить ее взгляд, полный любви, тепла и доверия. Захотелось стать причиной ее счастливой улыбки и частью ее мира – так же, как были частью этого мира олени и дикие кабаны.

Я не знал, с чего начать, как подойти к ней. Одно я понимал совершенно ясно: нужна стратегия. Просто приблизиться нельзя. Если бы я появился внезапно, нарушил ее тишину, ее ритуал – она бы отвернулась или сбежала от меня навсегда, не одарила бы больше взглядом, даже возмущенным. Я чувствовал это инстинктивно. Маргарет была слишком дикой для обычных ухаживаний, слишком независимой, чтобы терпеть навязчивость.

После нескольких часов скрытого наблюдения я осторожно удалился из леса, не оставив после себя ни следа. И направился туда, где всегда легче думалось – к обрывистым берегам Северного моря. Там, на границе камня и воды, под тяжелым серым небом, я собирался обдумать план – план покорения неприступного сердца Маргарет Мак-Кензи.

Глава 7

Растапливая лед

*Из дневника Дерека Драммона
18 февраля 1897 года*

Маргарет стала моим наваждением. Она была загадкой, которую я жаждал разгадать, неодолимо притягивающей тайной. Каждый день я караулил ее. Там, в лесу, среди животных и трав, Маргарет была другой – искренней, чистой, как утренняя роса на вереске. Она не носила масок, не играла ролей. Она была собой, и это влекло меня сильнее, чем все придворные интриги и балы Эдинбурга и Лондона, вместе взятые.

Спустя неделю я понял: пришло время действовать. Однажды утром, когда Маргарет направлялась к лесу, я вышел ей навстречу – навстречу судьбе... Она остановилась, заметив меня. На мгновение в ее глазах мелькнула легкая, почти незаметная растерянность, но я увидел ее. Однако Маргарет быстро справилась с собой. Ее лицо стало непроницаемым, спокойным. Она кивнула мне в знак приветствия – коротко, почти официально – и, опустив взгляд, хотела было пройти мимо, но я не позволил ей уйти.

– Доброе утро, Маргарет, – сказал я, делая шаг вперед. – Мы очень давно не виделись. Ни на одном из семейных ужинов и обедов, когда я приходил к вам в гости, ты так и не появилась.

Я сделал короткую паузу и, глядя ей прямо в глаза, спросил:

– Тебе неприятно мое присутствие в вашем доме?

Маргарет, явно не ожидая такого вопроса, удивленно уставилась на меня. Привыкшая к тому, что ее избегают, – и сама избегавшая людей, – она, вероятно, редко слышала столь прямое обращение. Я застал ее врасплох. Она несколько раз быстро моргнула своими густыми, красивыми ресницами, словно пытаясь избавиться от растерянности. В ее глазах мелькнуло недоумение. А я не отводил взгляда. Я держал ее в поле зрения, ловя каждую реакцию, каждую перемену в лице. Наконец, Маргарет снова обрела привычный холодный, отчужденный вид. Лицо ее стало непроницаемым, голос – вежливо сдержанным.

– Дело не в вас, лорд Драммон, – произнесла она спокойно. – Просто я предпочитаю уединение общению с другими людьми.

Сказав это, она вновь попыталась пройти мимо. Но я не позволил себе сдать. Я очень хорошо помню тот день, тот разговор и настойчивость, удивившую меня самого.

– Маргарет, пожалуйста, постой, – тихо произнес я.

Она замерла, но не повернулась.

– Я ни в коем случае не хочу тебя обидеть. И не хочу расстраивать. Я просто хотел сказать, что был бы очень рад, если бы мы смогли стать друзьями. Если бы ты позволила мне – когда-нибудь – обратиться к тебе за советом.

Маргарет стояла несколько секунд молча, потом медленно обернулась. В ее глазах уже не было удивления – только усталая отрешенность.

– Дерек... – произнесла она спокойно. – Я думаю, вам нужны другие друзья. Как, впрочем, и мне.

Она сделала короткую паузу, словно подбирая слова, и впервые с начала разговора в ее голосе прозвучала теплая, искренняя нотка.

– Мне очень жаль вашей тяжелой утраты, ваших родителей. У меня не было возможности выразить свои соболезнования. Примите их сейчас.

– Благодарю, – ответил я. – Действительно, время было непростое. Но... с каждым днем становится легче.

И в этот момент я почувствовал – в ее взгляде что-то мелькнуло. Сочувствие? Тонкая, почти незаметная трещина в ее броне! Я посчитал это спасительной соломинкой, протянутой мне судьбой, и решил продолжить разговор в этом направлении. Я начал рассказывать о сложностях, с которыми столкнулся, когда остался один на всем белом свете. О тяжести, свалившейся на мои плечи: об управлении замком, о производстве, о людях, за которых я теперь отвечал. Я говорил искренне, без напускной бравады, и заметил: в ее глазах появился сдержанный интерес. Она слушала меня внимательно. Больше, наверное, из вежливости, но все же слушала. Зерно общения я заронил – маленькое, но живое.

Я извинился за отнятое у нее время, сославшись на то, что мне было некому излить душу, и тогда она – впервые за все это время – тепло улыбнулась. Легким движением коснулась моего локтя и сказала:

– Дерек, вы очень сильный человек. Вы справитесь. А время – лучший доктор. Оно лечит лучше любых лекарств.

Я улыбнулся в ответ и произнес:

– Я слышал... вы тоже практикуете медицину. Возможно, у вас найдется лекарство и для меня.

Маргарет чуть склонила голову набок, губы ее тронула едва заметная улыбка:

– Что вы хотите вылечить?

Я посмотрел ей прямо в глаза.

– Душу.

– Простите, лорд Драммон. Я не в силах вам помочь.

С этими словами Маргарет быстро прошла мимо меня и исчезла в лесной чаще. Я остался стоять, чувствуя, как ее уход отзывается тяжестью в груди, но я не стал догонять ее. Я понял: ей нужно время.

Прошло несколько дней. Я терпеливо ждал – не преследовал ее, не искал встречи. Я не хотел быть навязчивым, не хотел порвать ту хрупкую нить, которая едва завязалась между нами. И вот в один из дней я снова увидел ее. Маргарет шла через вересковое поле – туда, где ее ждали друзья-животные. Я не окликнул ее, просто догнал и молча пошел рядом. Маргарет посмотрела на меня – вопросительно, удивленно, настороженно. Было в ее взгляде и что-то еще... Я ответил улыбкой и протянул небольшой букет полевых цветов – скромных, но ярких. Но вместо того, чтобы принять букет, Маргарет остановилась. На ее лице вспыхнула досада. Она обожгла меня гневным взглядом – таким злым, таким колким, что я невольно сделал полшага назад. Такой реакции я не ожидал. Игнорируя протянутые цветы, она отвернулась и пошла дальше быстрым, решительным шагом. Я бросился за ней.

– Маргарет, прости меня! – воскликнул я. – Я не хотел тебя обидеть.

Я догнал ее, зашагал рядом, чувствуя, как сердце колотится от страха – страха быть отверженным окончательно. Навсегда.

– Эти цветы... – начал я торопливо. – Я собрал их для тебя. Не как знак ухаживания, нет. В знак благодарности... за то, что ты тогда выслушала меня. За то, что после нашего разговора мне стало легче. Правда легче.

Я оправдывался, спотыкаясь на словах, чувствуя себя неуклюжим мальчишкой перед строгой наставницей. Очевидно, в отношениях с такой девушкой, как Маргарет, цветы были неудачной идеей.

Она остановилась. Медленно повернулась ко мне. В ее глазах по-прежнему был холод, но голос прозвучал спокойно, почти устало:

– Вам не за что меня благодарить, лорд Драммон. Я ничего для вас не сделала.

После этих слов Маргарет взглянула на меня так, что я застыл на месте. Ее взгляд был твердым, безмолвно приказывающим: «Дальше не иди». Я понял: еще один шаг – и я потеряю ее окончательно.

Впредь я действовал осторожнее. На протяжении всего лета раз в неделю незаметно, ненавязчиво появлялся то на тропах, по которым она ходила в лес, то на опушках, где собирались ее подопечные. Я искал любую возможность мельком увидеть ее, случайно встретиться взглядом, но все было тщетно. Маргарет оставалась непреклонной. Она не обращала на меня никакого внимания, будто я был пустым местом, призрак на фоне вереска.

Я знал ее распорядок – в какое время она выходила из замка, когда возвращалась домой – и искал поводы быть рядом. Но она не давала ни малейшего шанса. Тогда я попробовал другую тактику – стал изредка появляться в Касл Мэл в надежде встретить ее в окружении родных, в атмосфере, где, может быть, ей будет сложнее отвернуться. Но это оказалось ошибкой. Мак-Кензи приняли мое появление за возобновившийся интерес к Элеонор. Шепот за спиной, взгляды, полные надежды, намеки... И мне снова пришлось свести свои визиты к минимуму.

Август подходил к концу. А результат был равен нулю. Все мои усилия оказались бесполезными. И тогда я решился на последнее. Когда Маргарет пришла в лес к тому месту, где всегда ждала своих животных, она обнаружила меня. Я сидел на пледе в черно-серую клетку – цветов клана Драммонов. С закрытыми глазами. Не в ожидании оленей или кабанов, конечно. И был готов ко всему – к холодному взгляду, презрительному молчанию, к тому, что она отчитает меня, как мальчишку. Или просто пройдет мимо, даже не взглянув. Но Маргарет вдруг рассмеялась – ярким, звонким смехом. Таким неожиданным, что я вздрогнул, открывая глаза. Я никогда раньше не слышал, чтобы она смеялась. Никогда. Думаю, даже члены семьи Мак-Кензи не слыхали такого. Я рассмеялся тоже. Наверное, от облегчения, от радости, от того, что она не прогнала меня – ни из леса, ни из своей жизни. Мы смеялись долго. И в этом смехе было что-то освобождающее, что-то новое – теплое, живое.

Мне кажется, лед в ее сердце начал таять именно в тот самый момент. Как ни странно, для нас с ней все началось здесь, в лесу, и здесь же однажды должно было закончиться. Я тогда еще не знал этого... А все глупое мое упрямство! Я шел напролом навстречу своей роковой судьбе. Невидимые силы, похоже, пытались уберечь меня от отношений с Маргарет, но я не слушал. Я стремился туда, где мне суждено было потеряться навсегда...

Глава 8

Свет перед тьмой

*Из дневника Дерека Драммона
19 февраля 1897 года*

С того августовского дня многое изменилось, но не кардинально. Она позволила мне присутствовать в своей жизни. Не впустила, нет, но позволила идти рядом. Я мог провожать ее от замка до леса и от леса до замка. Мы беседовали – если это можно было назвать беседой: говорил в основном я, она слушала, иногда задавала вопросы, но о себе почти ничего не рассказывала.

Маргарет была молчалива. И ее молчание было не пустотой, а стеной – крепкой, высокой, неприступной. Мне казалось, что я хорошо знал женщин, что любую можно прочитать, предсказать, что жесты, взгляды и слова – это простая арифметика страсти и ожиданий. Я ошибался. Маргарет была иной. Прошло полгода с того момента, как я впервые начал наблюдать за ней. Полгода – и я все еще не мог разгадать ее. Не мог понять, что у нее в мыслях, что она чувствует, что скрывает за этой ровной, спокойной маской. Наверное, потому, что меня в ее мыслях просто не было. Но к концу осени я все же начал одерживать маленькие победы – одну за другой. Маргарет позволила мне не только сопровождать ее, но и пригласить на прогулку к берегу моря. Мы дважды устраивали пикники на опушке леса, пока погода благоволила. Теплые пледы, легкая еда, неспешные разговоры, которые текли как ручейки по оттаявшей земле. А к Рождеству случилось настоящее чудо. Маргарет начала иногда говорить. По-настоящему – не просто задавать вопросы, а делиться своими мыслями, своей точкой зрения. Тихо, сдержанно, порой даже с осторожностью, но все же она открывалась – день за днем, месяц за месяцем. Я работал над развитием наших отношений, учился быть иным с ней, растапливал лед в ее сердце. Действовал не ударом, не напором, а терпением. Тепло, доброжелательное молчание рядом, тихие честные слова делали свое дело. Однако это был не просто лед – я растапливал айсберг! И, сам того не ведая, все глубже и глубже погружался в ледяные воды ее судьбы.

Мне было нелегко. Постоянно нужно было быть начеку. Следить за каждым словом, за каждым движением. Одна неверная фраза – и все, что я строил месяцами, могло рассыпаться в прах. Но я упивался каждым новым достижением, каждым робким взглядом, коротким ответом, каждым днем, когда она позволяла мне быть рядом.

И в феврале я решился. Я попросил ее выйти за меня замуж. По правилам я должен был сперва обратиться к ее отцу – Каллуму Мак-Кензи, попросить ее руки официально, соблюдая все традиции. Но я знал Маргарет и понимал, что если не услышу ее ответа первым – не услышу его никогда. Поэтому я пошел к ней сам, без свидетелей. Просто я и она.

Как и следовало ожидать, она отказала мне – тихо, спокойно, без истерик и лишних слов. И снова замкнулась в себе, словно захлопнула передо мной тяжелую каменную дверь. Она не выходила из своей комнаты целую неделю, и каждый день этой недели давил на меня тяжестью несбывшейся надежды.

В своих чувствах я признался Маргарет еще в августе. И с тех пор вновь и вновь говорил о своей любви – смиренно, терпеливо, не требуя ответа. Она лишь молча выслушивала меня.

В начале марта я сидел на своем любимом валуне на берегу Северного моря. Огромный камень лежит на песчаном пляже многие века, обточенный ветрами и волнами. Идеальное место, чтобы наблюдать за морем. Я часто приходил сюда – побыть наедине с собой.

Погода в тот день была приятной: легкий ветер, серое небо, ленивый шелест волн. Предаваясь собственным мыслям, я вдруг увидел Маргарет. Вряд ли она пришла на пляж из-за

меня, скорее всего, тоже искала уединения. А возможно, ее привели сюда воспоминания, ведь это место помнило нас – наши прогулки, наши разговоры, первые робкие шаги навстречу друг другу.

Я сидел не двигаясь, не звал ее, не мешал. Просто смотрел, как она идет навстречу ветру, тонкая и светлая на фоне серого моря. Увидев меня, Маргарет испугалась. Я заметил это сразу – паника, вспыхнувшая в ее глазах, мгновенный страх. Но прежде, чем он захлестнул ее окончательно, я успел увидеть другое – искру, крошечную, хрупкую, едва заметную искру радости. Она вспыхнула и тут же погасла, словно Маргарет подавила ее в себе. Но я видел ее! И это было неопровержимым доказательством того, что у Маргарет появились ко мне чувства, что я не был ей безразличен. Но она боялась их. Боялась себя...

И как только я осознал это – меня было уже не остановить. Я встал перед ней на колени – прямо там, на золотистом песке, под свинцовым небом Северного моря, и начал говорить. Я клялся ей в любви, в верности до гробовой доски, обещал море счастья, став ее опорой, защитой, ее кровом. Я говорил все, что только мог и что чувствовал сердцем. Я был честен. Не как лорд Драммон, а как человек, готовый стать ее судьбой навсегда.

Маргарет молчала, дрожа от ветра, а может быть, от внутренней бури, а потом кивнула. Слабо, почти незаметно, но кивнула. И я понял – она согласилась.

Вероятно, это был самый счастливый день в моей жизни. В тот миг, стоя перед ней на ветреном берегу, я верил, что наконец обрел все, что так долго искал. Так началось наше прекрасное время – время надежд и мечтаний, когда каждый день казался шагом к счастью.

Однако первые тени легли даже на эту светлую полосу. Не все приняли нашу помолвку с радостью. Когда Эндрюс и Элеонор узнали, что я попросил руки Маргарет, атмосфера вокруг нас изменилась. Редкие встречи, которые выпадали мне с Элеонор, стали пыткой. Она смотрела на меня так, будто я предал ее. Взгляд был полон такой ненависти, что мне становилось не по себе.

Эндрюс, надо отдать ему должное, вел себя уважительно. Но прежней дружбы между нами уже не было. Он стал холоднее, настороженнее. Однако, признаюсь, мне было все равно. Я был счастлив и думал только о Маргарет – о нашей предстоящей свадьбе, о том, что в конце лета она станет моей супругой. И в тот момент мне казалось, что ничто в мире не сможет разрушить это счастье.

Наша помолвка состоялась весной. Это был прекрасный день. Праздник устроили в Касл Мэл. Собралось множество гостей – родные, соседи, знакомые. Приехали гости из Эдинбурга и мои старые друзья из Лондона. Больше всего я рад был видеть Генри – моего дорогого друга, без которого, возможно, я никогда бы не рискнул сделать первый шаг навстречу бурной молодости.

Генри должен был жениться всего на месяц раньше меня – в июле. И я с радостью принял приглашение быть на его свадьбе. Но тогда... тогда я еще не знал, что в Лондон мне так и не суждено будет попасть.

Генри, приехав на мою помолвку, гостил в Касл Рэйвон две недели. Это было чудесное время – мы охотились в вересковых полях, беседовали допоздна у камина, согревая в руках старинные бокалы с янтарным виски.

Мне нужно было выговориться, рассказать ему все – о Маргарет, о своих мыслях, страхах, сомнениях. Я не мог поделиться этим ни с кем другим. И когда в один из таких вечеров я наконец открыл ему душу, Генри, выслушав меня с привычной невозмутимостью, рассмеялся.

– Друг мой, я несколько не удивлен, что ты выбрал себе такую невесту. Ты ведь никогда не ищешь легких путей.

Генри... Как мне не хватает его сейчас! Как жаль, что нам уже никогда больше не суждено встретиться. Он оплакивал меня. Осенью он приехал в Касл Рэйвон, пытался найти меня. Организовал целый поисковой отряд, который прочесывал леса и поля. Блуждая по окрест-

ностям, расспрашивал крестьян, говорил с Мак-Кензи. Он не мог поверить, не мог принять мысль, что его друг – лорд Дерек Драммон – исчез. Исчез навсегда.

Генри использовал любую возможность, проверял каждый слух, но не нашел ни малейшей зацепки. С тяжелым сердцем покинул он Касл Рэйвон, смирившись с утратой. Я видел его, я был рядом и столько раз в те дни хотел выйти из тени, показаться ему, поведать все, что случилось!.. Но как мог я рассказать ему страшную правду, от которой кровь будет стечь в жилах даже у самых смелых мужчин? Как можно наслаждаться жизнью, зная, что мир, в котором ты существуешь, лишь легкой завесой отделен от древней тьмы? Нет, я не мог лишить Генри покоя! Не мог погрузить его в ту бездну ужаса, где теперь сам обитал. Не этого я желал своему другу... Поэтому ни разу и не показался ему на глаза. Надеюсь, Генри счастлив в браке и в его жизни все сложилось наилучшим образом.

Но вернусь к нашей с Маргарет помолвке. Моя суженая была прекрасна, как никогда. Она всегда была красива, отличаясь той природной красотой, которая не нуждается в подчеркивании нарядами или украшениями, но в тот день... В тот день она просто блистала! Все недоверие, страх, всю тяжесть прошлого Маргарет сбросила с плеч и распахнула передо мной душу – открытую, чистую, готовую к новой жизни.

Я ждал ее у подножия центральной лестницы в Касл Мэл. И вот под руку с Каллумом Мак-Кензи она появилась в кремовом платье – почти свадебном – и стала медленно спускаться вниз. В тот момент мне казалось, что я никогда прежде не был так счастлив. В Эдинбурге и Лондоне я видел множество красивых женщин, но воспоминания о роскошных нарядах по последней моде, сверкающих бриллиантах, изысканных прическах, обворожительных улыбках мгновенно поблекли. Моя избранница сияла так, как ни одна из женщин, которых я знал. Ее красота была настоящей – не от драгоценностей или золотого шитья на платье, а от исходящего внутреннего света. Она была словно богиня красоты, и мои чувства достигли пика восхищения.

В зале Касл Мэл при свете множества свечей произошло нечто, что я не забуду никогда, – Маргарет впервые позволила мне поцеловать ее по-настоящему. И я, лорд Дерек Драммон, мужчина, искушенный в вопросах любви, волновался, как мальчишка.

Власть Маргарет надо мной была неописуемо сильна. Я сам не замечал, как эта девушка становилась центром моего мира, моей жизнью, моим дыханием. Конечно, слухи не заставили себя ждать. В округе после нашей помолвки начались пересуды – шептались на базарах, зубоскалили в трактирах, обсуждали новость у семейных очагов. Говорили, что ведьма из рода Мак-Кензи приворожила лорда Драммона, что он должен был жениться на ее кузине Элеонор, но вместо этого пал жертвой древнего колдовства. Вообще, чего только не говорили! Однако меня это тогда не волновало. Позже, после Ведьминой ночи, слухов было так много, что легенд хватит, пожалуй, не на одно столетие. Но об этом чуть позже...

После нашей помолвки я с головой ушел в заботы о доме – начал масштабное переустройство замка, и Касл Рэйвон стал оживать. Я затеял ремонт во всех спальнях – по последней моде, со свежими обивками и новой мебелью. Я готовил хозяйские покои к долгожданному событию, к новой жизни, которая казалась такой близкой, такой осязаемой. Все шло прекрасно – лучше и не придумаешь.

Приближалось лето, и вместе с ним – главный праздник наших краев – Праздник папоротника, или, как его еще называли, Ведьмина ночь. По преданию, ровно в полночь с 20 на 21 июня одним-единственным цветком зацветает папоротник – цветком силы и судьбы. Но зацветает не каждый куст папоротника. И найти тот самый – цветущий – дело почти невозможное. Каждый год в Ведьмину ночь десятки людей разбредаются по лесам, горам и берегам водоемов и с верой в чудо надеются обрести волшебную силу, удачу и власть, найдя и сорвав цветок, который распускается лишь на мгновение. Как правило, все они обречены на невезение, хотя я бы сказал – на счастье. На великое счастье! Только они этого не понимают...

Говорят еще, что тот, кто сорвет цветок папоротника, обретет связь с потусторонним миром или получит дар на несколько минут. Эти сказки передаются из поколения в поколение. Старики рассказывают их у очагов, матери шепчут детям перед сном. Но сколько бы я ни слушал эти истории, сколько бы ни спрашивал старожиллов – я ни разу не слышал, чтобы кто-то действительно видел цветущий папоротник. Ни один человек в наших краях. Ни один. Никогда. Как же им повезло...

Глава 9

Ведьмина ночь

*Из дневника Дерека Драммона
20 февраля 1897 года*

Настал долгожданный Праздник папоротника. Семья Мак-Кензи, как и все жители округи, с утра была в волнении – приготовления, шум, смех, угощения. Всем кланом мы отправились на большое поле за деревней, где уже выстроились ряды шатров, длинных деревянных столов и лавок, украшенных ветками вереска и папоротника.

Праздник был в самом разгаре. Народ, как всегда, начинал веселье задолго до наступления темноты – уже с четырех дня звучала музыка, смеялись дети, пылал первый пробный костер. В воздухе витали ароматы пряностей, печеного хлеба и содержимого дымящихся жаровен.

Как только мы оказались в гуще событий, члены семьи разбрелись кто куда – каждый по своим интересам: кто-то пошел за элем, кто-то – наблюдать за игрой в кости, а кто-то – к шатру с гадающей старухой. Лето было в зените, и все казалось таким сочным, насыщенным, беззаботным.

Мы с Маргарет шли рука об руку, медленно, в своем темпе, мимо заготовленных костров, сложенных в высокие пирамиды. Их зажигают ближе к полуночи, чтобы отпугнуть злых духов – так гласит предание, ведь именно в эту ночь граница между мирами – между тем, что видимо, и тем, что сокрыто, – становится тонкой, как паутина. Открывается дорога потустороннему...

Эль и виски лились рекой. На этом празднике, как шутили местные жители, не пили разве что небесные ангелы. Запахи свежего хмеля, горячего мяса, специй и дыма от первых костров мгновенно закружили голову. Стоило лишь ступить на поле – и аромат праздника обволакивал с ног до головы.

К вечеру толпа становилась все более раскованной. Подвыпившие фермеры, оглушенные волынками и весельем, устраивали пляски у костров. Дети с визгом бегали между лавками, старухи раскладывали карты, парни пытались сорвать поцелуй с девичьих губ под шумный смех. Да, это был мой самый любимый праздник...

Солнце медленно садилось, окрашивая небо в золото и багрянец. И именно в этот момент, когда огни становились ярче, а веселье – громче, произошло нечто забавное. Пятеро подвыпивших фермеров, целый день косившихся на Маргарет, наконец решились. Они собрались в кучку и, переговариваясь, стали подталкивать друг друга локтями – поодиночке никто не решался подойти. Маргарет в округе была известна, ее уважали, но все же побаивались. К ней шли, только когда от скота уже отrekli деревенские знахарки и даже священник. И вот теперь, подпитые и осмелевшие, они подходили – осторожно, как к ведьмину костру. Просили совета, спрашивали о болячках скотины, мямлили про загноившиеся раны и неестественное поведение овец.

Я стоял рядом и не мог не улыбаться. Маргарет держалась спокойно, смотрела на них чуть свысока – не злорадно, а как смотрят на детей, которые слишком долго боялись того, чего не понимают. Отвечала кратко, по делу, без обаяния, но и без грубости. А я забавлялся этим зрелищем – словно наблюдал, как страх отступает перед здравым смыслом или, может быть, перед нуждой.

Жены фермеров стояли чуть поодаль, плотно прижавшись друг к другу, будто прятались за спинами своих мужей от невидимой опасности. Они украдкой бросали взгляды на Маргарет – быстрые, настороженные, полные тревоги. Казалось, они верили, что одно ее слово может

обернуться сглазом, а неверный взгляд – навлечь на дом беду или проклятие. Но сама Маргарет оставалась невозмутимой. Эти взгляды ее не беспокоили, не раздражали, даже не удивляли. Она спокойно отвечала на вопросы – кратко, точно, без суеты, рассказывала о травах, о настояях, даже советовала, как укреплять пищеварение у ягнят в начале весны. И по мере того, как она говорила, напряжение среди мужчин вокруг нее ослабевало. Они начали расслабляться, понимать, что перед ними не ведьма с черной книгой и заговоренным ножом, а просто женщина, которая знает больше, чем они.

Маргарет не призывала их использовать страшные заклятия, не нашептывала темные слова, не доставала из-за пояса сушеных мышей. Она доступно объясняла, в чем суть проблем, и все больше мужчин начинали задавать вопросы. Вскоре их было уже не пятеро, а добрых два десятка. Почти все фермеры округи стояли вокруг моей невесты, внимательно слушая ее голос, который до сих пор многим казался «нечеловечески тихим».

Я подумывал было найти предлог, чтобы увести Маргарет прочь от этой толпы, но ее взгляд пригвоздил меня к месту. Она не произнесла ни слова, но этим взглядом дала понять: «Я здесь по собственной воле. Животные – моя работа. И мне не нужна сейчас защита». Что ж, с этим было не поспорить. Я постоял рядом еще немного, а потом, дав ей знак, что ненадолго отлучусь, двинулся к дальним шатрам. Там я встретил своих старых друзей – Хью и Арчи. Они, как всегда, были оживлены, с бокалами в руках, уже навеселе. Мы выпили вместе по пинте эля, поговорили о последних событиях в округе и о предстоящей свадьбе, на которую они оба были приглашены. Вспоминая юность, мы так смеялись, что на какое-то время я почувствовал себя совершенно беззаботно и легко.

Когда я уже собирался идти обратно – надеялся, что Маргарет вскоре освободится и мы сможем немного побыть наедине, – ко мне подошел Эндрюс, отец Элеонор. Он держал в руках бокал с темным ароматным напитком – явно более крепким, чем эль. Протянул его мне с вежливой улыбкой.

– За счастье молодых, – сказал негромко, глядя мне в глаза.

Я не мог отказать – был не вправе. Мне все еще было неловко перед ним и перед его дочерью.

Эндрюс расспрашивал меня о делах: об управлении хозяйством, о ремонте в замке, доволен ли я рабочими – словом, задавал вежливые вопросы, за которыми обычно прячется что-то недосказанное.

Мы разговаривали долго. Так долго, что я не сразу заметил, как в моих руках оказалась очередная кружка. Я пил и с каждым глотком чувствовал, как становлюсь все спокойнее и отстраненнее. Что-то размывалось в сознании. Звуки становились мягче, цвета – ярче, воздух – теплее.

Не знаю, зачем и почему, но мы начали медленно продвигаться сквозь толпу в сторону леса. Все происходило как бы само собой. Разговор шел гладко, смех людей звучал как музыка, мир играл яркими красками, которые мне не хотелось упускать. Я ловил себя на мысли, что не хочу возвращаться к реальности. Я хотел раствориться в этой легкости, в этом сладком, зыбком состоянии.

Это было не простое опьянение, нет... Что-то иное, чего я прежде не испытывал. Ни эль, ни вино, никакой другой напиток не мог произвести такое необъяснимое, мягкое, обволакивающее, опасное воздействие. Я чувствовал, что теряю связь с землей, со временем, с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.